

Иванов Дмитрий Владиславович,
доктор социологических наук,
профессор кафедры теории
и истории социологии СПбГУ

Социология времен постглобализации и поствиртуализации

доклад на заседании Ученого совета СПбГУ

В докладе дается анализ теоретико-методологических проблем современной социологии, тенденций ее развития в конце XX – начале XXI века, представлены актуальные социологические теории и методы эмпирических исследований.

Поступательное развитие социологии в XX веке, достигшее пика после 1945 г., выразилось в создании больших теорий и реализации крупных проектов прикладных исследований. Но в 1960-1970-х гг. произошел парадигмальный кризис, множественность конкурирующих теорий и подходов выглядит как распад науки. Наиболее радикальным выражением кризиса стала постмодернистская теория, согласно которой «распад социальных агрегатов» (Ж.-Ф. Лиотар) и «конец социальной реальности» (Ж. Бодрийяр) вообще лишают социологию предмета и права на статус науки. В ситуации кризиса новой предметной областью для социологии стала глобализация. Новыми классиками стали И. Валлерстайн, Р. Робертсон, А. Аппадурай, представившие глобальную социальность, глобальную современность как новую социальную реальность.

В начале XXI века происходит сдвиг от глобализации к постглобализации. Вместо ожидавшегося в результате глобализации «мирового общества», «всемирной социальности» сформировалась транснациональная сеть суперурбанизированных анклавов глобальности. В мегаполисах социальная жизнь по-настоящему глобальна, то есть не связана границами, подвижна, открыта, мультикультуральна.

Постглобализация – это процесс роста и автономизации анклавов глобальности, связанных между собой потоками товаров, технологий, информации, людей, и все более отрывающихся от окружающих их территорий и сообществ по уровню и качеству жизни, по стилю жизни и ценностным установкам. Таким образом, глобализация, «обещавшая» структурную гомогенность и культурную унификацию, остается в прошлом, а реальностью становится локализованное замещение привычных структур индустриального общества сетями и потоками. Новые социальные структуры развиваются наиболее интенсивно в суперурбанизированных анклавах, так как здесь – точки доступа к потокам ресурсов – материальных, финансовых, информационных, человеческих, социальных.

Глобализация в конце XX века была вызвана виртуализацией социальных структур. Образы (бренды, идентичности) экономически и политически «сильнее», «весомее» вещей, поэтому возможным и эффективным стало создание транснациональных структур. Виртуализация – это замещение реальных вещей и действий образами и коммуникациями. Виртуализация общества происходит, когда социальные отношения принимают форму отношений между образами. Именно виртуализация общества вызывает цифровизацию. Поскольку в условиях виртуализации общества главная задача – создание и трансляция образов, поэтому главный инструмент деятельности – информационно-коммуникационные технологии и доминирующие структуры – сетевые.

В России есть две технологические платформы виртуализации. Интернет-пользователей в стране большинство (суточная аудитория интернета в России 67%), но доминирующим инструментом виртуализации общества остается ТВ (71% взрослого населения назвали ТВ среди своих источников информации, интернет-сайты – 44%, блоги, форумы, социальные сети – 19%). При этом разные поколения живут в разных

виртуальных реальностях. Молодежь погружена в виртуальную реальность образов и коммуникаций, создаваемую на интернет-сайтах, форумах, в блогах, социальных сетях. Пожилые погружены в телевизионную виртуальную реальность.

Можно зафиксировать два «цифровых разрыва» в современной России. Все живут в виртуальной реальности, но не все – в «цифровом обществе». (1) Разрыв между включенными и не включенными: 55% взрослого населения – регулярные пользователи социальных сетей, не используют социальные сети 18%, вообще не пользуются интернетом 20%. (2) Разрыв среди включенных по степени активности: среди пользователей соц. сетей создают оригинальные посты 23%, оставляют комментарии 56%, оставляют «лайки» 85%.

Нарастающая сетевая активность молодежи приводит к превышению «виртуального населения» над реальным. Число аккаунтов в социальных сетях многократно превышает численность возрастной группы, фиксируемую переписями.

Во втором десятилетии XXI века начинается сдвиг от виртуализации к поствиртуализации. Виртуальная реальность образов и коммуникаций превращается из экзотики в социальную рутину и быт, перепроизводство образов / идентичностей приводит к их обесцениванию. В результате, ценностью становится физическое присутствие, непосредственный опыт, тактильность, «аналоговое» в противовес «цифровому». Очагами поствиртуализации становятся мегаполисы, где активисты альтернативных движений, а затем бизнесмены и местные власти создают пространства, функция которых – быть точками доступа к реальности (лофты, коворкинги, антикафе, котокафе и т. п.). Здесь происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и возникает дополненная реальность (augmented reality), интегрирующая физические и цифровые, материальные и символические, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования.

Постглобализация и поствиртуализация приводят к тому, что социальная жизнь в точках доступа к сетям, потокам и к реальности становится интенсивным существованием, насыщенным киберфизическим опытом, жизнью в режиме дополненной современности (Augmented Modernity). При этом жизнь в мегаполисах – очагах роста дополненной социальной реальности контрастирует с упадком социальной жизни во множестве малых городов и в сельской местности, где господствует «истощенная современность» (Exhausted Modernity).

Таким образом, вместо «конца социальной реальности» и «глобальной социальности» социологи теперь сталкиваются с множественными социальностями. Можно выделить четыре вида социальных структур, создающих эту множественность. Институты создают тотальную социальность, интеракции – частную социальность, сети – структуры частной социальности, потоки – структуры альтернативной социальности.

Главные теоретические тренды в социологии последних десятилетий связаны с концептуализацией соотношения этих разных социальностей. Интегративные парадигмы с 1970-х гг. (Ю. Хабермас, Э. Гидденс, П. Бурдьё) соединяют идеи детерминизма нормативных структур и конструирования социальности взаимодействующими индивидами. Поиски новых объектностей с 1990-х гг. (М. Кастельс, Дж. Урри, Б. Латур) приводят к разработке теорий сетей и потоков.

Методы сбора и анализа эмпирических данных, применяемые в современной социологии, соответствуют актуальной конфигурации социальных структур. Традиционные стандартизированные опросы в русле количественной методологии наиболее релевантны при изучении институтов, «мягкие» методы в духе качественной методологии ориентированы на интеракции, сетевой анализ и визуализация «больших данных» становятся адекватными решениями в исследованиях, ориентированных на изучение сетей и потоков.

На фоне кризиса во второй половине прошлого века современная социология выглядит развивающимся множеством теоретических моделей и исследовательских

подходов и методов, соответствующих сложности и многообразию социальных структур. В СПбГУ главные тренды развития социологии в условиях постглобализации и поствиртуализации положены в основу ряда исследовательских проектов, в числе которых – «Сетевые и потоковые структуры неравенства в современном российском обществе» (грант РФФ, 2014-2016) и «Разработка модели социального развития в условиях постглобализации и поствиртуализации» (грант РФФ, 2018-2020).

В рамках первого проекта исследована тенденция сдвига к бимодальной стратификации в развитых странах, а также показано, что сложились три типа неравенства: институциональное неравенство (социальные статусы устанавливают соответствия: класс – собственность, профессия – доход, этничность – гражданские права, гендер – личные права); сетевое неравенство (социокультурные идентичности обеспечивают привилегии включенности в сети и устанавливают соответствие: активность – символический капитал); потоковое неравенство (пространственные и социокультурные мобильности обеспечивают вовлеченность в потоки и дают преимущества времени и места).

В рамках второго проекта анализ тенденций постглобализации и поствиртуализации приводит к выводу о необходимости дополнения двух современных моделей социального развития, ориентированных на повышение уровня жизни (измеряется как объем производства / потребления, ВВП на душу населения) и качества жизни (измеряется индексом человеческого развития по параметрам объема потребления, эффективности социальных институтов, комфортности природной и социальной среды), третьей моделью, названной «наполненность жизни». Разрабатываются новые индексы для оценки социального развития применительно к обществу сетей и потоков.

Предварительные результаты проекта, отраженные в индексе суперурбанизации, показывают, что старые лидеры развития (Западная Европа и США) и считающиеся с недавних пор будущими лидерами страны БРИКС в действительности имеют средний потенциал развития в условиях постглобализации. Сингапур, имеющий наивысший показатель индекса суперурбанизации, является образцовым примером социального развития на платформе анклава глобальности / дополненной современности. Потенциал социального развития теперь распределен по миру не так, как было в период модернизации и первоначальной глобализации в неолиберальном ключе. Это заставляет переосмыслить как роль национально-государственных институтов, так и роль возникающих транснациональных и транслокальных сетевых и потоковых структур, создаваемых в суперурбанизированных анклавах дополненной современности.

Список литературы

- *Иванов Д. В.* К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. №4
- *Иванов Д. В.* Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. 2013. № 9
- *Ivanov D.* New Forms of Inequality and Structures of Glam-Capitalism // Social Evolution & History. 2016. Vol. 15. N 2
- *Иванов Д. В.* От глобализации к постглобализации: анклавы дополненной современности и перспективы социального развития // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 3
- *Иванов Д. В.* Постмарксизм Юргена Хабермаса и диалектика социального развития // Социологические исследования. 2019. № 6